

На правах рукописи

Непчатова Марина Ивановна

**ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В ЭСТОНИИ В УСЛОВИЯХ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АТЕИЗМА В 1944 – 1964 гг.**

Автореферат диссертации по соисканию ученой степени
кандидата теологии

Научная специальность: 26.00.01 – «Теология»

Москва – 2021

Работа выполнена на кафедре общей и русской церковной истории и канонического права ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Научный руководитель - *Кострюков Андрей Александрович, доктор исторических наук, кандидат богословия*

Официальные оппоненты - *Гераськин Юрий Вениаминович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и методики обучения истории и обществознанию ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»*

- *Обозный Константин Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой церковной и социальной истории, декан исторического факультета ЧОУ ВО «Свято-Филаретовский православно-христианский институт»*

Ведущая организация *ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»*

Защита диссертации состоится 9 июня 2021 г. в 14:00 на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.213.04 на базе ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», ОЧУ ВО «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет», религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке религиозной организации – духовной образовательной организации высшего образования Русской Православной Церкви «Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» по адресу: 115035, Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1 и на сайте: www.doctorantura.ru.

Автореферат разослан «   » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 999.213.04
доктор исторических наук, доцент

протоиерей Марченко А.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность исследования. Одним из наиболее сложных и драматичных периодов в истории Русской Православной Церкви стал XX век. Беспрецедентные гонения продолжались на протяжении нескольких десятилетий. Периоды жесточайших репрессий сменялись относительным затишьем, затем притеснения продолжались. Закономерно, что эти события стали предметом научного интереса многих исследователей. Период 1940-х–1960-х годов вызывает неизменный научный интерес, поскольку насыщен важными событиями. Ситуация в отношениях государства и Церкви развивалась стремительно, за несколько лет претерпевая коренные изменения.

История эстонского православия отмечается целым рядом существенных особенностей. Лютеранское окружение, отдаленность от Москвы и многие другие факторы сформировали специфическую религиозную ситуацию. Вступление Эстонии в состав СССР произошло уже по окончании Большого террора 1937 – 1938 годов, а вскоре Эстония была оккупирована немецкими войсками. Снова в составе СССР республика оказалась в конце Великой Отечественной войны. Это обстоятельство коренным образом отличает развитие взаимоотношений Церкви и власти в Эстонии от общесоюзной ситуации. Однако, репрессии в отношении Церкви, духовенства и верующих происходили и в этой республике. Вместе с тем, атеистическая политика СССР не избежала колебаний, что в свою очередь обусловило череду различных событий в истории православия Эстонии, требующих подробного рассмотрения и анализа, четкой оценки.

Репрессии 1930-х годов обошли Эстонию стороной. Однако сразу после включения республики в состав СССР в 1940 г. они коснулись части населения, в том числе духовенства. Советская власть снова пришла в Эстонию в период временного ослабления гонений на Церковь в СССР. В последующие годы религиозная ситуация в Эстонии в некоторых аспектах совпадала, в других - отличалась от общесоюзной. Представляется важным проанализировать отличия

и сходства этих процессов с целью создания в будущем возможно полной картины бытия Церкви в условиях атеистического советского государства, включая западные регионы, вошедшие в состав СССР позднее.

Новизна исследования. Научного рассмотрения данного периода в истории православия в Эстонии в контексте общесоюзной ситуации не проводилось. Имеющиеся исследования, посвященные истории православия в Эстонии, не затрагивают способов и механизмов борьбы с Церковью со стороны государства. В настоящей работе впервые история православия в Эстонии рассматривается в контексте этапов отношений власти и Церкви, впервые анализируются способы противодействия со стороны духовенства и правящих архиереев антицерковной политике государства, впервые осмысляются самые различные аспекты хрущевских гонений в отношении Церкви в Эстонии.

Объектом исследования является политика советского государства в отношении Церкви в период 1944-1964 гг.

Предмет исследования – деятельность государственных органов власти Эстонской ССР в отношении правящих архиереев, духовенства республики, православных приходов и верующих в контексте политики государственного атеизма в СССР в рассматриваемый период.

Цель исследования - изучение характера и тенденций взаимоотношений союзных и республиканских властей с эстонской епархией в период в 1944 – 1964 гг.

Задачи исследования:

- 1) Выявить тенденции и динамику отношений государства и Церкви в Эстонии в период 1944-1964 годов;
- 2) Изучить изменение вектора политики государства в отношении Русской Православной Церкви в Эстонии;
- 3) Проанализировать влияние общесоюзных тенденций на религиозную ситуацию в Эстонии;

4) Исследовать деятельность правящих эстонских архиереев и духовенства и их взаимодействие с властями в условиях антирелигиозной политики государства;

5) Рассмотреть методы антирелигиозной борьбы с Православной Церковью со стороны местных и союзных властей.

Хронологические рамки исследования. В работе исследуется период 1944 – 1964 гг. Нижняя граница обусловлена двумя факторами: началом внешнего изменения политики государства в отношении Русской Православной Церкви, а также изгнанием из республики гитлеровских войск и новым приходом в нее советской власти. Верхняя хронологическая граница обусловлена отставкой Н.С. Хрущева и последовавшими вслед за этим изменениями государственной политики в отношении Церкви в сторону смягчения гонений.

Историография и степень научной разработанности проблемы. Тема гонений в отношении Церкви со стороны советского государства стала предметом научного интереса в нашей стране лишь начиная с 1990-х годов. Общий характер отношений органов власти СССР и Русской Православной Церкви отражен в фундаментальных исследованиях: протоиерея Владислава Цыпина¹, работах Д.В. Поспеловского², М.В. Шкаровского³, М.И. Одинцова⁴, О.Ю. Васильевой⁵, И.А. Курляндского⁶, авторского коллектива «Истории Русской Церкви» под редакцией М.Б. Данилушкина⁷, С.Л. Фирсова⁸, М.И. Одинцова⁹.

¹Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 2-е изд., перераб. - М., Изд. Сретенского монастыря, 2006.

²Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в 20 веке. М.: Республика, 1995.

³Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., Издательство Крутицкого подворья, 2002. Его же: Русская Церковь и Третий Рейх. М., Вече. 2010.

⁴Одинцов М.И. Русская Православная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М., Центральный дом духовного наследия, 2002. Его же: Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма 1917 – 1953 гг. М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002.

⁵Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001.

⁶Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. М.: Кучково Поле, 2011.

⁷История Русской Православной Церкви. От восстановления патриаршества до наших дней / под ред. М.Б. Данилушкина т.1. СПб.: Воскресение, 1997.

⁸Фирсов С.Л. Апостасия («Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь). СПб., Сатись-Держава, 2004.

⁹Одинцов М.И. Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945.), М., 2005.

Послевоенный и хрущевский периоды церковно-государственных отношений нашли отражение в трудах протоиерея Алексея Марченко¹⁰, М.В. Шкаровского¹¹, Т.А. Чумаченко¹², И.И. Масловой¹³.

Число исследований по эстонскому православию крайне незначительно. Источниковая база, на которой основываются некоторые работы по данной тематике, базируется на Хронике Ливонии (*Chronicon Livoniae*), предположительно составленной Генрихом Латвийским в XIII в.¹⁴. Краткие очерки по истории эстонского православия молодого чиновника Михаила Харузина выходили в XIX веке¹⁵. Публикации автора касались избранных событий церковной жизни. В дореволюционные годы вышло несколько трудов, не всегда свободных от политической конъюнктуры, и посвященных отдельным аспектам истории православия в Прибалтике¹⁶.

Из современных работ следует отметить публикации эстонского священника Игоря Прекупа, на протяжении многих лет исследовавшего вопросы

¹⁰ *Марченко А.Н., прот.* Религиозная политика советского государства в годы правления Н.С. Хрущева и ее влияние на церковную жизнь в СССР. М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2010. *Его же:* Личные дела высшего духовенства Русской Православной Церкви для изучения государственно-церковных отношений 1943-1985 гг. // Отечественные архивы. М., 2007, №4. С. 96-104. *Его же:* Хрущевская церковная реформа и ее влияние на внутрицерковную жизнь по материалам Уральского региона (1958-1964 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: 2008; *Его же:* Хрущевская церковная реформа: очерки церковно-государственных отношений (1958-1964 гг.). Пермь, 2007 и др.

¹¹ *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Издательство Крутицкого подворья, 1999. *Его же:* Русская православная церковь и Советское государство в 1943-1964 гг. от «перемирия» к новой войне. СПб., М., ДЕАА, АДИА, 1995.

¹² *Чумаченко Т.А.* Государство, Православная Церковь, верующие. 1941-1961 гг. М.: АИРОХХ. 1999. *Ее же:* Совет по делам Русской православной церкви и его уполномоченные в условиях новой церковной политики власти (1958-1964) // Государство и Церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. Отв. ред. А.И. Филимонова. – М., ЛИБРОКОМ, С. 2011. – С. 8-34., *Ее же:* Совет по делам Русской православной Церкви при См СССР: 1943-1965 гг., М., 2011, (диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук), *Ее же:* Совет по делам Русской православной церкви при См СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30 (211). История. Вып. 42. С. 74 – 85.

¹³ *Маслова И.И.* Эволюция вероисповедальной политики советского государства и деятельности Русской Православной Церкви: (1953-1991 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2005. – 545 с.

¹⁴ Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарий С.А. Аннинского. М., 1938.

¹⁵ Статьи автора в периодическом издании «Эстляндские Губернские Ведомости», а также отдельные брошюры М. Харузина: Пюхтица – святое место; бытовой очерк из Балтийской действительности, Ревель, 1888. Православие на островах Даго и Вормс, Ревель. 1888, Эстляндская святыня, Ревель, 1888. Михаил Харузин скончался от тифа в Эстляндии в 1888 году в возрасте 28 лет.

¹⁶ *Лейсман Н.А., свящ.* Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия. Рига, 1908. Трусман Г. Введение христианства в Лифляндии. СПб, 1884. *Трусман Ю.* К 900-летию Крещения Руси. Ревель, 1888. *Чистович И.* История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.

новой истории православия в крае. В соавторстве с протоиереем Николаем Балашовым им была опубликована книга «Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория (Папатома) «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране», посвященная актуальным проблемам сосуществования двух церковных юрисдикций на территории Эстонии: Московского Патриархата и Константинопольского¹⁷. В данном исследовании обстоятельно доказываются оспариваемые греческим архимандритом факты, подтверждающие уникальную роль миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Эстонии на протяжении многих веков, результатом которой явилось становление православия в крае. Важнейшие этапы истории православия в балтийском регионе с петровских времен и до конца 1930-х годов рассмотрены в монографии «Православие в Прибалтике» петербургского ученого В. И. Мусаева. Рассматривается влияние событий Первой мировой войны, 1920-х годов на религиозную жизнь, различное видение представителями духовенства трех республик перспектив взаимоотношений с Московским Патриархатом в тот сложный период, судьбы видных представителей прибалтийского духовенства¹⁸. Относительно недавно свет увидела монография петербургского исследователя И.В. Петрова. Исследование основано прежде всего на материалах государственных архивов стран Балтии¹⁹.

Единственной научной работой, посвященной всем основным этапам истории эстонского православия, остается фундаментальная монография Святейшего Патриарха Алексия II²⁰. Благодаря этому труду мы имеем полную картину зарождения и становления православия в эстонских землях со времен раннего средневековья и до начала XXI века. Монография основана на обширной архивной и историографической базах, впервые опубликованы ранее

---

¹⁷ Балашов Н., прот., Прекуп И., прот. «Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллин, 2013. Впервые опубликована в «Вестнике церковной истории» (№ 1/2 (21/22) 2011) С. 251-310.

¹⁸ Мусаев В. И. Православие в Прибалтике. СПб., Издательство политехнического института, 2016.

¹⁹ Петров И.В. Православная Балтия 1939 – 1953 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016.

²⁰ Алексий II, Патр. Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999.

неизвестные архивные документы и дана оценка событий, непосредственным участником которых являлся Святейший Патриарх.

Знакомство с данным научным трудом и обусловило выбор темы автором диссертации. Поскольку Святейший Патриарх не ставил перед собой задачу подробно рассматривать именно период 1944-1964 годов, настоящее диссертационное исследование вносит скромный вклад в изучение данного хронологического отрезка.

Таким образом, историография по рассматриваемому вопросу весьма немногочисленна, и непосредственно рассматриваемому хронологическому периоду ни одно исследование специально не посвящалось.

Источниковая база. Исследование базируется прежде всего на архивных источниках. В основу легли многочисленные материалы Государственного Архива Российской Федерации (ГА РФ). При написании работы было проанализировано более четырех тысяч архивных документов.

Обширный массив уникальных материалов содержится в фонде 6991 («Совет по делам Русской Православной Церкви») ГА РФ, описи 1, 2 и 7. Поскольку с момента вхождения Эстонии в СССР вся документация по данному вопросу велась прежде всего на русском языке, именно ГАРФ содержит наиболее полный корпус документов данного времени, относящихся к теме настоящего исследования. В основе лежит переписка уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (далее - Совет) с сотрудниками и председателем Совета, переписка уполномоченных с представителями местных партийных и советских органов Эстонии, заявления и обращения представителей духовенства республики в адрес уполномоченного, материалы кузовых совещаний уполномоченных Совета, инструкционные письма Совета, материалы конференций и заседаний Совета, которые позволяют судить о тонкостях проводимой в отношении Церкви политики и принятых решениях со стороны этого главного органа власти, ответственного за религиозную политику в СССР. Проанализированы также материалы описи 7 фонда 6991, где содержатся личные дела духовенства.

Использованы материалы других архивов. В Российском Государственном Архиве Новейшей истории (РГАНИ) просмотрен массив документов Отдела пропаганды и агитации по союзным республикам ЦК КПСС (фонд 5). Данные материалы позволили проанализировать принятие решений и конкретные направления деятельности ответственного за антирелигиозную пропаганду органа власти, его взаимодействие с Советом по делам РПЦ. Был проведен анализ постановлений (фонд 3, фонд 11) по различным аспектам церковной жизни.

В Российском Государственном Архиве социально-политической истории (РГАСПИ) проанализированы многочисленные документы из фонда 17: распоряжения Совета Министров по церковным вопросам, взаимодействие с Советом, планы идеологической работы и ход антирелигиозной пропаганды. Были обнаружены документы, в которых рассматриваются отдельные аспекты религиозной ситуации в Эстонской ССР, что имеет важное значение для понимания положения Церкви в условиях государственного атеизма в рассматриваемый период.

В работе использованы также опубликованные документы из монографии непосредственного участника событий рассматриваемого периода – Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Ценные наблюдения об особенностях эстонского православия, о проблемах епархии, о жизни эстонского духовенства содержатся в книге воспоминаний «О моем пути» митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия (Якобса)²¹, очевидца событий рассматриваемого периода.

Официальная хроника церковной жизни отражалась в «Журнале Московской Патриархии», материалы которого также использовались в работе.

Автором проанализированы публикации наиболее массовой в тот период эстонской газеты «Советская Эстония», за весь рассматриваемый исторический промежуток. Анализ публикаций этого официального печатного органа ЦК компартии Эстонии позволил отследить тенденции в проведении

---

²¹ *Корнилий, митр.* О моем пути. Таллин, 2009.

антирелигиозной агитации в республике, во внедрении гражданской обрядности, в идеологическом воспитании молодежи.

В работе использованы релевантные публикации в периодических изданиях Эстонской епархии, прежде всего в ежемесячной газете «Мир Православия»²².

Важными для настоящей работы стали сведения, полученные автором непосредственно от члена Синода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата С.Г. Мянника, потомка эстонского епископа Иоанна (Алексеева), автора многочисленных статей и памятного альбома, посвященного Патриарху Алексию II²³. Полученная от С.Г. Мянника информация позволила уточнить контекст рассматриваемых в исследовании событий.

Методология исследования. В исследовании применены как общенаучные, так и специальные исторические методы. Работа основана на базовых принципах историзма и научной объективности. Принципом научной объективности продиктовано стремление автора оставаться на позициях беспристрастности, рассматривать как позитивные, так и негативные стороны исторической действительности максимально непредвзято.

В соответствии с принципом историзма, положение Церкви в Эстонии рассматривается во временной динамике в контексте соответствующих исторических процессов, с учетом сформировавшегося к сегодняшнему моменту корпуса научных знаний по данному вопросу. Конкретно-исторический метод позволил описать факты, явления церковной и общественной жизни Эстонии, а также события в государственно-церковных отношениях. Историко-генетический метод дает возможность проследить становление и развитие православия в Эстонии в контексте взаимодействия властей и Церкви на длительном временном промежутке. Хронологический метод обусловил анализ исторического материала в определенных временных рамках – с момента

---

²² Электронный ресурс: [www. baltwillinfo.com](http://www.baltwillinfo.com).

²³ Моя малая Родина. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II и Эстония. Автор идеи, текста и составитель Сергей Мянник. Таллин: Издательский отдел Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. 2018.

освобождения Эстонии от немецкой оккупации и до окончания периода хрущевских гонений на Церковь. Сравнительный метод позволил сопоставить положение Церкви в Эстонии с общесоюзной ситуацией, выявить сходства и различия. В ходе исследования применялся также статистический метод, позволивший выявить основные параметры важнейших событий церковной жизни, таких, как закрытие приходов в Эстонии, кадровая ситуация в епархии, убыль духовенства и изменения в составе монашествующих Пюхтицкого монастыря. Применение системного метода позволило, с одной стороны, рассмотреть антицерковную политику властей как целостную систему комплексных мер, а с другой - проанализировать деятельность епархиальных архиереев и духовенства, направленную на сохранение церковной жизни и минимизацию негативных последствий антирелигиозной политики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Положение Церкви в Эстонии на момент окончания Великой Отечественной войны принципиально отличалось от ситуации в центральных и восточных республиках СССР, где к середине 1940-х гг. Церковь подвергалась гонениям более двух десятилетий. В Эстонии же в аналогичный период имела место свобода религиозной жизни.

2. Несмотря на репрессивные меры, которыми сопровождалось установление советской власти в республике, государственно-церковные отношения в 1944-1948 гг. не носили негативного характера по двум причинам: ввиду временной приостановки гонений на Церковь в СССР, а также по причине лояльной позиции Совета по делам РПЦ в отношении эстонской епархии. Принимая во внимание предложения уполномоченного по Эстонии – учитывать особенности местной религиозной жизни и факт недавнего вхождения Республики в состав СССР – Совет занимал выжидательную позицию.

3. В 1948-1949 гг. вместе с изменением вектора государственно-церковных отношений уполномоченный по указанию Совета начинает проводить более жесткую линию в отношении правящего архиерея и церковной жизни в целом. Однако к существенному ухудшению положения Церкви в Эстонии это не

привело. Негативные тенденции компенсировались заметным увеличением числа верующих: союзные власти направили в республику для поднятия эстонской промышленности тысячи специалистов из разных регионов СССР, развертывались военные гарнизоны. Тысячи новых русскоязычных прихожан сыграли существенную роль в церковной жизни республики. Это влияние сказывалось на протяжении нескольких лет.

4. Развернутая в 1948 г. коллективизация сельского хозяйства республики нанесла большой ущерб различным сферам жизни села. Власти возлагали большие надежды на коллективизацию также в контексте антирелигиозных мероприятий. Однако расчет властей на массовый переход эстонского сельского духовенства на «гражданскую» работу (в связи с коллективизацией) не оправдался.

5. Одной из характерных особенностей церковной жизни Эстонии являлось весьма значительное число приходов. Начиная с 1948-1949 гг. власти ставили перед собой задачу добиться уменьшения их количества. Однако, сокращение числа приходов в рассматриваемый период было обусловлено не волевым решением властей, но в подавляющем большинстве случаев экономическими причинами (прежде всего ввиду многолетнего отсутствия экономической поддержки из Москвы), естественной убылью населения, сокращением сельского населения по причине коллективизации.

6. Несмотря на активную антицерковную политику в СССР в период 1955-1960 годов, в республике сложилась уникальная ситуация. Церковная жизнь в Эстонии не ослабевала, напротив, религиозная активность продолжала расти по основным показателям.

7. В отличие от общесоюзной ситуации, местное духовенство не имело многолетнего опыта взаимодействия с государственным аппаратом, до конца не понимало сути государственной политики в отношении Церкви и истинных задач, стоявших перед уполномоченными Совета и иными партийными чиновниками, что создавало риски для церковной жизни Эстонии и судеб духовенства. Поддержка и помощь такого опытного иерарха, как митрополит

Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) в непростой период государственно-церковных отношений сыграли важную роль для церковной жизни республики.

8. Наиболее тяжелыми для епархиальной жизни в рассматриваемый период стали 1961-1964 гг. Если в 1950-е годы, несмотря на антицерковную политику, проводимую властями, основные показатели церковной активности в Эстонии неизменно росли, то именно к 1961 г. весь комплекс мер экономического, идеологического и политического характера, примененный в отношении Церкви, стал проявляться в объективных статистических показателях. Минимизацией негативных последствий этой ситуации предстояло заняться поставленному на эстонскую кафедру будущему Патриарху, тогда – епископу Алексию (Ридигеру), активные и продуманные действия которого позволили сохранить от закрытия Пюхтицкий монастырь, кафедральный Александро-Невский собор в Таллине и ряд приходов.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в применении обширной источниковой базы, значимости выявленных фактов и сделанных выводов. Результаты работы могут лечь в основу новых трудов по данному вопросу, а также стать составной частью будущих более всеобъемлющих исследований антицерковных гонений на территории всего СССР. Материалы настоящей работы могут лечь в основу новых учебных пособий по истории России, истории Эстонии, истории Русской Православной Церкви, стать основой для творческих работ учащихся школ и гимназий. Данная тема выходит за рамки проблематики бытия Церкви в условиях государственного атеизма. Она затрагивает многие аспекты истории отношений нашей страны с соседями – прибалтийскими государствами. С учетом того, сколь непросто складывается это взаимодействие, каждое новое исследование, посвященное страницам истории взаимоотношений двух стран, вносит необходимый научный материал для осмысления учеными, политологами, общественными деятелями и может успешно применяться ими.

В работе введен в научный оборот комплекс уникальных научных источников, материалы описей документов ГАРФ, ранее не использовавшиеся другими исследователями.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры Общей и Русской Церковной Истории и канонического права Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Результаты работы были отражены в печатных трудах исследователя общим объемом более 5 п. л. Материалы и научные выводы были неоднократно использованы в выступлениях на международных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». (Куремяэ, Эстония, 11-13 декабря 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт» (Куремяэ, Эстония, 11-12 декабря 2016 г.), Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность» (Куремяэ, Эстония, 11-12 декабря 2018 г.), Международная научно-практическая конференция «Православие и духовно-нравственное становление личности современника» (Куремяэ, Эстония, 11-12 декабря 2019 г.), Международная научно-практическая конференция «Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры» (Куремяэ, Эстония, 11-12 декабря 2020 г.).

Материалы исследования нашли применение в педагогической деятельности автора в различных образовательных учреждениях.

Структура и объем диссертации. Структура обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации (без списка литературы) составляет 285 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначается цель работы, ставятся задачи, вытекающие из цели исследования, определяются объект и предмет исследования, его хронологические рамки, методы исследования, анализируется историография вопроса и источниковая база, обосновываются актуальность темы и новизна полученных автором результатов, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Положение Православной Церкви в Эстонии в конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944-1948)»** включает в себя 2 параграфа. В первом параграфе *«Религиозная ситуация в Эстонии в начале 1940-х годов. Особенности эстонского православия»* рассматриваются основные этапы становления православия на эстонской земле, начиная со средневековья, анализируются различные аспекты непростого сосуществования на этих землях православных с католиками, а затем - с лютеранами.

Анализ архивных материалов позволил выявить некоторые характерные особенности эстонского православия, обусловленные привнесением эстонцами-бывшими лютеранами элементов протестантизма в православный церковный обиход и традиции: привычка сидеть со время богослужения, обязательная для молодежи конфирмация (леери), общенародное пение в храме, восприятие проповеди как основного момента богослужения, общеприходские дни поминовения усопших на кладбищах, сопровождавшиеся обязательным исполнением мирянами церковных песнопений «с листков». Важным фактором являлась приверженность православных эстонцев «западной пасхалии», обусловленная лютеранским окружением и устоявшимися традициями. По тем же причинам эстонцам было сложно привыкнуть к более продолжительному православному богослужению, в результате чего имели место отдельные случаи произвольного бессистемного сокращения служб представителями эстонского духовенства.

Во втором параграфе «События 1944 – 1948 гг. и новые реалии церковной жизни» рассматриваются события, происходившие сразу после освобождения Прибалтики советскими войсками и восстановления советской власти в Эстонии, которые заставили одних представителей духовенства, продолжая служение, с беспокойством ожидать первых решений советской власти, а других – митрополита Александра (Паулуса) с небольшим числом священнослужителей – спешно эмигрировать за границу. Религиозная ситуация в Эстонии на момент окончания Великой Отечественной войны принципиально отличалась от ситуации в центральных и восточных республиках СССР. К середине 1940-х Церковь в СССР уже четверть века подвергалась жестоким гонениям. Духовенство, выжившее в период антирелигиозного террора или прошедшее лагеря и тюрьмы, было хорошо знакомо с методами работы государственного аппарата. В Эстонии до 1944 г. церковная жизнь протекала совершенно иначе: открытых репрессий в отношении Церкви и верующих не наблюдалось, а местное духовенство не имело опыта взаимодействия с представителями богоборческой власти, что явилось весьма значимым фактором церковной жизни на протяжении значительной части рассматриваемого в работе хронологического периода. Первые шаги советской власти в Эстонии в отношении Церкви в 1944-1945 гг. были достаточно осторожными. Вместе с тем внутривластные вопросы решались иначе: вновь были проведены депортации части населения республики. Проведенный анализ архивных документов позволил прийти к выводу, что, как работавший в самой Эстонии уполномоченный Совета, так и его кураторы в Москве, отдавали себе отчет в том, что церковная жизнь недавно включенной в состав СССР Прибалтики нуждается в особом отношении. Совет, получив сигнал от уполномоченного о необходимости учитывать эту специфику, демонстрировал достаточно гибкий подход. Были возвращены изъятые у Пюхтицкого монастыря в годы независимой Эстонии пахотные земли, напечатаны листки для общеприходского пения, большинство обращений к уполномоченному встречало адекватную реакцию. 1 февраля 1946 г. в Таллине скончался правящий архиепископ Павел

(Дмитровский), временное управление епархией было возложено на митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова), который на протяжении нескольких лет курировал епархию. Тем временем шло обсуждение кандидатуры будущего епископа. Выбор был обусловлен неучастием протоиерея Иоанна Богоявленского в активной работе Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви, переходившей под константинопольский омофор, информацией о некоторой инертности священника, что вполне отвечало интересам атеистических властей. В июне 1947 г. он был назначен на эстонскую кафедру. Пострижение в монашество (с именем Исидор), наречение и хиротония прошли в Ленинграде.

Отдельные реалии эстонской жизни того периода показывают, насколько религиозная ситуация там отличалась от центральных регионов СССР. Так, в день Рождества 1947 г. не работали школы, многие государственные предприятия, и даже некоторые советские учреждения.

Проверка работы уполномоченного по Эстонии Н. Карсакова приехавшим из Москвы инспектором Совета в начале 1948 г. выявила недостатки в работе, после чего в отчетах уполномоченного началась активная критика епископа Исидора, появились негативные характеристики на представителей духовенства. Очевидно, что от уполномоченного потребовали ужесточения позиции в отношении Церкви и ее представителей. К середине 1948 г. союзные власти в церковных вопросах перестали придерживаться умеренного курса. В Эстонии начинали проявляться общесоюзные тенденции. Архивные материалы позволяют отметить, что делопроизводство велось скрупулезно. Даже в период ослабления гонений, госаппарат тотально контролировал церковную жизнь, и всегда был готов вновь обратиться государственную машину против Церкви.

Особенности ведения делопроизводства состояли в том, что указания, распоряжения, решения политического характера по церковным вопросам направлялись из Москвы напрямую уполномоченному, и соответственно, уполномоченный свою ответную секретную документацию направлял непосредственно в Совет. Таким образом, огромный массив документов из

российских архивов позволяет отследить ситуацию ежемесячно и выявить тенденции в государственно-церковных отношениях в Эстонии. Лишь небольшая часть документов с решениями конкретных вопросов местного уровня дублировалась уполномоченным и перенаправлялась в местные органы власти, однако и эта переписка содержится в делах из собраний российских архивов. Анализ этой переписки позволяет сделать вывод о том, что Совет и уполномоченный не в полной мере доверяли местным партийным руководителям недавно вошедшей в состав СССР республики.

Вторая глава **«1948-1953 годы в истории эстонского православия: период возобновления гонений на Церковь в советском государстве»** состоит из 4 параграфов. В первом параграфе *«Государственно-церковные отношения в Эстонии в первые годы возобновления гонений (1948-1950)»* анализируется период, когда во главе епархии стоял епископ Исидор (Богоявленский). Недолгое епископство, прерванное внезапной кончиной архиерея, условно можно разделить на короткий, относительно стабильный период середины 1947 – начала 1948 гг., когда взаимодействие духовенства республики с уполномоченным Н. Карсаковым носило ровный и позитивный для Церкви характер, и второй период, когда ситуация изменилась в негативную для Церкви сторону. В незначительных вопросах власти еще готовы были идти навстречу духовенству Эстонии, однако на ситуацию начинали влиять общесоюзные тенденции: к 1948 г. властями СССР уже были приняты решения, обусловившие дальнейшее возобновление гонений. Так, Совет рекомендовал уполномоченным на местах заняться «изучением состава духовенства», что на практике означало поиск потенциально нелояльных к атеистической власти священнослужителей и последующий их арест. Начавшаяся в 1948 г. коллективизация сельского хозяйства в Эстонии создала дополнительный негативный фактор для церковной жизни: священники по сути были лишены возможности возделывать землю для ведения личного хозяйства, что, по планам властей, должно было поставить сельское духовенство в невыносимые условия и привести к массовым переходам священников «на гражданскую работу». С

февраля 1949 г. в отчетах уполномоченного Н. Карсакова появляются списки «неблагонадежных» священнослужителей, и вскоре, в 1949-1950 гг., происходят аресты нескольких представителей духовенства. Инициированная уполномоченным кампания против епископа Исидора, очевидно, имела целью показать эффективность работы самого функционера на своей должности. В связи с нападками уполномоченного епископ был вынужден обратиться в Патриархию.

Во втором параграфе *«Изменения в религиозной жизни Эстонии в 1949 г.»* уделяется внимание этому переломному периоду для эстонского православия. Попытки дискредитации епископа, первые результаты коллективизации, аресты, пристальный интерес уполномоченного к жизни Пюхтицкого монастыря на фоне закрытия сразу нескольких обителей в СССР в данный период, и наконец, кончина епископа Исидора 18 декабря 1949 г. – все эти негативные события рассматриваются в данном параграфе. Епископ Исидор столкнулся с тяжелыми финансовыми проблемами епархии из-за отсутствия возможности со стороны Патриархии поддерживать отдаленные эстонские приходы, как это было в дореволюционные годы. За исключением десятка приходов в крупных городах, остальные нуждались в дотациях. Невозможность кардинально изменить ситуацию могла стать причиной критики в адрес епископа, которую уполномоченный приписывал в своих отчетах нескольким представителям духовенства. Введение коллективизации также негативно сказалось на экономическом положении духовенства. Разумеется, в такой ситуации могли быть и недовольные. Вместе с тем, епископ Исидор (Богоявленский) проявлял принципиальность и мужество, рукополагая в епархии ранее судимых духовных лиц и кандидатов из других епархий. Архиерей добился освобождения епархии от взносов на общецерковные нужды, бесплатного обучения эстонцев в духовных школах, выплаты пенсий престарелому эстонскому духовенству за счет церковного пенсионного фонда.

В третьем параграфе *«Церковная жизнь Эстонии в период 1950-1951 годов»* рассматриваются события, последовавшие после кончины епископа

Исидора. Сначала эстонская кафедра оставалась вдовствующей. В марте 1950 г. в республику по решению митрополита Григория (Чукова) была направлена ревизионная комиссия, председателем которой был назначен служивший прежде в Эстонии профессор-протоиерей Александр Осипов, в будущем печально известный отступник. В задачи комиссии входило в том числе и рассмотрение кандидатур на должность главы епархии. Грубое вмешательство уполномоченного Тарасова в обсуждение кандидатур впоследствии стоило ему должности. После проведения инспекции руководство епархией было временно возложено на митрополита Ленинградского Григория. Для того был целый ряд причин. Скоропостижная кончина епископа Исидора не позволила обстоятельно рассмотреть вопрос о возможном приемнике. Кроме того, комиссия выявила ряд недостатков, которые епархии предстояло преодолеть, при этом не осложняя отношений с властями. Ошибки, допущенные на этом сложном этапе отношений Церкви и атеистической власти, могли сыграть трагическую роль в церковной жизни страны и епархии, а потому руководство Патриархии старалось действовать предельно осмотрительно. Большой опыт митрополита Григория был в этой ситуации необходим будущему эстонскому епископу, которому предстояло осуществлять служение в очень непростых условиях. Кандидатов подбирали среди этнических эстонцев, владевших обоими языками. Около года новый епископ Роман (Танг) оставался викарным и проводил большую часть времени в Ленинграде, в непосредственном контакте с митрополитом.

В 1950 г. на фоне снижения посещаемости удаленных сельских приходов стало отмечаться повышение посещаемости храмов в крупных городах, обусловленное прибытием в республику специалистов из других регионов страны. Власти, стремясь поднять промышленность Эстонии, направляли в республику тысячи специалистов из различных областей СССР. Новые русскоязычные жители появились в городах республики и заполнили храмы. Так в ситуации усиливавшегося государственного атеизма произошло оживление церковной жизни Эстонии. Вместе с тем случилось и прежде невиданное для спокойной и веротерпимой Прибалтики событие – осквернение храма в Кохилаа.

Набирала обороты и антирелигиозная кампания. Под предлогом законных оснований в 1950-1951 гг. государством был изъят ряд церковных помещений. По решению местных партийных властей произошел снос часовни в Таллине на улице Пикк.

Епископ Роман с первых месяцев самостоятельного управления (с марта 1951) активно посещал удаленные приходы, Пюхтицкий монастырь, на что обратили внимание в Совете. Прежде незаметный священник теперь проявлял себя как активный и деятельный архиерей. На данном этапе государственно-церковных отношений в глазах властей это являлось негативным фактом.

В четвертом параграфе *«Нарастание негативных тенденций в отношениях власти и Церкви в 1951-1953 гг.»* показано, что ситуация продолжала развиваться в негативном для Церкви ключе. С января 1951 г. уполномоченный Тарасов стал пристально следить за ситуацией с Пюхтицким монастырем, что означало подготовку к закрытию обители или переселению в нее монахинь из закрываемых монастырей. Решением райисполкома у обители были изъяты сдаваемые в аренду здания, что заметно ослабило экономику монастыря.

В марте 1951 г. епископ Роман был назначен правящим архиереем с титулом «Епископ Таллинский и Эстонский».

Прибытие в Таллин на месяц для поклонения верующих чтимой Пюхтицкой иконы, организованное епископом Романом при поддержке духовенства республики, вызвало в Совете резкое недовольство и претензии к уполномоченному, допустившему такое мероприятие. Новый уполномоченный П. Капитонов рьяно взялся за дело, направлял в Совет информацию об опасной активности отдельных священнослужителей, в том числе, о молодом священнике Алексии Ридигере. Епископ Роман, оставаясь в орбите влияния митрополита Ленинградского Григория, старался поддерживать жизнеспособные сельские приходы, при этом избирательно, порой не препятствуя закрытию недействующих приходов, чтобы не обострять отношения с властью и не навлечь на епархию еще большей волны репрессий.

Это была эпоха тяжелейших компромиссов для Церкви в целом и для каждого епархиального архиерея. Активное противодействие советской власти, возобновившей репрессии в отношении Церкви, привело бы к разрушению и закрытию тех немногих храмов, в которых теплилась церковная жизнь. Вновь возобновились аресты духовенства. 30% продолжавшего служить эстонского духовенства вызывали подозрения у уполномоченного.

Неожиданное появление в переписке Совета и эстонского уполномоченного жалоб на епископа Романа вскоре после прибытия Пюхтицкой иконы в Таллин производит впечатление спланированной кампании с целью удаления архиерея из епархии, что и произошло через два года. Вместе с тем, верующие продолжали бороться за спасение своих приходов там, где это было возможно. Похоже, общей атмосферы в стране простые верующие не чувствовали и докучали властям своими ходатайствами о возобновлении богослужений в снятых с учета церквях Вормси, Рынгу, Выпсу, Хаапсалу и Тарту.

1953 год в церковной жизни Эстонии можно охарактеризовать как один из наиболее интересных для настоящего исследования. Несмотря на усиление гонений в общесоюзном масштабе, именно в 1953 г. многие показатели церковной активности в Эстонии, в противовес общесоюзным тенденциям, достигли рекордных значений. Специфической чертой церковной жизни Эстонии в тот период стало неприятие коренным населением антирелигиозной агитации. Только в одном отчете уполномоченного приводятся сразу три примера активных протестов слушателей во время лекций на антирелигиозные темы. Причинами активизации церковной жизни, произошедшей на фоне резкого усиления антицерковной политики в СССР, стало прибытие в республику тысяч русскоязычных граждан, активность епископа и духовенства, а также феномен коренного населения, непривыкшего к грубому вмешательству властей в религиозную жизнь.

Глава третья **«Положение Православной Церкви в Эстонии в 1954 – 1958 годах: общесоюзные тенденции и эстонские реалии»** состоит из трех

параграфов. В первом - «*Ситуация в отношениях Церкви и государства к 1954 году*» - дается краткая характеристика состояния церковной жизни в республике на момент окончания сталинской эпохи. В предыдущие несколько лет в Эстонии произошли аресты представителей духовенства, усиливалась антирелигиозная пропаганда, под запретом оказались многие требы, стали сниматься с регистрации приходы, угроза закрытия нависла над Пюхтицким монастырем. Таким образом, все активнее проявлялись в Эстонии общесоюзные тенденции. Однако, в силу рассмотренных выше причин, религиозная активность в Эстонии в эти годы не уменьшалась, что вызывало сильное раздражение властей.

Во втором параграфе «*Перемены в церковной жизни Эстонии*» анализируется продолжающийся рост посещаемости богослужений, рост числа насельниц Пюхтицкого монастыря, в чем уполномоченный усматривал влияние епископа Романа, который ранее был священником обители и на своем нынешнем высоком посту всячески обители помогал. Одним из самых важных вопросов стала судьба Пюхтицкого монастыря. Статистика приема новых насельниц показывает, что в данный период в обитель пришло рекордное число женщин, что не могло не беспокоить власти.

Вместе с тем по естественным причинам происходила убыль духовенства в Эстонии и прихожан на селе. Многие переезжали в города, ввиду коллективизации и общей урбанизации. Некоторые эстонцы переходили назад в лютеранство. Новое поколение росло уже в иной ситуации: государственный атеизм и политика властей в сельском хозяйстве меняли ситуацию.

В самом конце 1955 г. в Эстонии сменился правящий архиерей. В качестве официальной версии было заявлено, что причина перевода епископа Романа (Танга) - в его назначении викарным епископом Ленинградской епархии в помощь болевшему ленинградскому митрополиту Елевферию (Воронову). Однако, анализ архивных документов показывает, что активность епископа Романа вызывала раздражение в Совете, и уполномоченным по Эстонии велась планомерная работа по его дискредитации.

Патриарх определил протоиерею Георгию Алексееву стать эстонским архиереем. После пострижения с именем Иоанн 25 декабря 1955 г. он был хиротонисан в епископа Таллинского и Эстонского. Этот период характеризовался относительно спокойным сосуществованием православной и лютеранской конфессий в республике. О былых конфликтах и противоречиях, факты которых встречались в архивных материалах середины 1940-х годов и в середине 1950-х, теперь не упоминалось. Очевидно, что перед лицом общей серьезной угрозы - усиливавшейся атеистической пропаганды - прежние противоречия были забыты. Взаимоотношения официальных лиц - епископа Иоанна и лютеранского архиепископа Яна Кийвита носили регулярный характер, главы конфессий обменивались визитами, согласовывали мероприятия по приему иностранных гостей.

Актуальной для эстонского православия оставалась проблема перехода из православия в лютеранство, чему немало способствовали многочисленные смешанные браки. Иногда даже крещение детей в Эстонии проводились священниками противоположных конфессий, четко разграничивалось лишь проведение конфирмации (воцерковления), которая проходила только в церкви своего вероисповедования. Епископ активно ездил по епархии, после богослужения выступал с проповедями на русском и эстонском. За 3-4 года, с 1953 по 1957 гг., происходил непрерывный, из года в год, рост всех показателей религиозной активности: посещаемости, участия в обрядах, объема пожертвований и доходности приходов. В результате улучшения финансового положения приходов проводились ремонты и украшения церковных зданий, что еще больше способствовало, по мнению функционера, привлечению людей в Церковь.

В третьем параграфе *«Усиление давления на Церковь со стороны властей, обострение ситуации вокруг Пюхтицкого монастыря»* анализируются статистические сведения, касающиеся монастыря (повышение посещаемости церковных служб местными жителями и паломниками, рост числа причастников, проданных свечей и принятых поминаний, увеличение «тарелочных» и

«кружечных» сборов, проведение ремонтных работ). Чтобы не давать властям поводов к закрытию, монастырь систематически перевыполнял нормы сдачи сельскохозяйственной продукции государству. Более того, монахини оказывали помощь соседнему колхозу. Однако, согласно решениям ЦК, наступление властей на монастырскую жизнь продолжалось. Так, в 1957 г. был введен запрет на пребывание в монастырской гостинице Пюхтиц более 10 дней.

Уже не в первый раз в епархии был поднят «календарный вопрос». Обсуждение показало, что повсеместное введение старого календарного стиля и восточной пасхалии епархии создавало бы опасность массового перехода эстонцев из православия в лютеранство и могло подорвать существование небольших сельских приходов, которые находились на грани закрытия. Православные эстонцы привыкли к западной пасхалии и не желали перемен, навязанных «сверху». Такое решение могло дискредитировать нового епископа в глазах части населения. В ситуации усиления антирелигиозных мер со стороны властей разобщение среди православных по национальному признаку было бы опасно для епархии. Это скорее бы отвечало интересам атеистической власти, но не Церкви. Именно поэтому, как нам представляется, данные инициативы и не были реализованы в епархии.

Деятельность епископа Иоанна уполномоченный оценивал как более активную, нежели его предшественника. У епископа, который не был викарным, а сразу стал самостоятельным, не было обязательств, требовавших его частого отсутствия в республике, что архиерей использовал во благо вверенной ему епархии. Важную роль играло и свободное владение епископом эстонским языком. Это было важно, поскольку местное население, принадлежавшее традиционно к лютеранству, практически не владело русским. Капитонов вместе с тем докладывал в Совет, что епископ Иоанн порой избегал делиться некоторой информацией, ссылаясь на усталость, забывчивость, болезни. Это было зафиксировано в Совете. Активная позиция духовенства и правящих архиереев в период возобновления гонений сыграла определяющую роль в укреплении церковной жизни в Эстонии в этот период.

Несмотря на реализованные антицерковные меры (прекращение хождения с чудотворными иконами, начиная с 1952 г., а после 1954 г. – прекращение служб в часовнях, прекращение практики прислуживания детей в церкви), духовенство стремилось активнее работать по другим направлениям своего служения: увеличение числа служб в храмах в целом по республике, 2-3 недельная предконфирмационная подготовка.

Власти, как по всей стране, так и в Эстонии старались добиться закрытия большего числа приходов. В Эстонии на маленькую республику приходилось более сотни храмов. В Совете ждали результата - уменьшения их числа. Правящему архиерею в некоторых случаях приходилось соглашаться на снятие с регистрации небольших малопосещаемых приходов, дабы не допустить закрытия более значимых. Совет чаще всего не вникал в количество прихожан закрываемого прихода. Учитывалось общее количество снятых с регистрации храмов. Этим достижением мог отчитаться уполномоченный. В некоторых случаях закрытие двух-трех малопосещаемых приходов было намного менее болезненным событием для церковной жизни республики, чем закрытие одного крупного храма или собора.

Среди антицерковных мер властей было стремление заменить церковные таинства регистрацией актов гражданского состояния. Развивалась сеть ЗАГСов, государство стремилось взять в свои руки проведение свадеб, похорон и других обрядов, полностью заменив церковные – светскими, для чего властями выделялись значительные человеческие и финансовые ресурсы. Эстония не стала исключением.

В целом данный период можно описать так: на фоне набравшей обороты в СССР антирелигиозной политики для эстонской епархии 1954-1957 гг. были непростыми, однако прошли без заметных потрясений. Вместе с тем общесоюзные тенденции по дальнейшему удушению религиозной жизни становились все более заметны в Эстонии.

Глава четвертая **«Положение Православной Церкви в Эстонии в годы хрущевских гонений»** включает 4 параграфа. В первом параграфе *«Первые*

годы хрущевской антицерковной кампании в Эстонии» анализируются антицерковные постановления и решения союзных властей, рассматривается их реализация в Эстонии. Проведенный анализ публикаций центральной республиканской газеты «Советская Эстония» за рассматриваемый в диссертации период показал, что с 1957-1958 гг. появляются многочисленные материалы на антирелигиозную тематику, стала проявляться идеологическая работа. Следует отметить, что Эстония в этом вопросе сильно отставала от центральных регионов страны, о чем в предыдущие годы неоднократно говорили партийные функционеры. Появление в эстонской прессе оскорбительных для верующих фельетонов и карикатур становилось поводом для обращений духовенства и верующих с жалобами к представителям власти. Также верующие в Эстонии не смирялись с закрытием храмов и продолжали писать жалобы на притеснения со стороны властей и нарушения закона. Эти обращения создавали прецедент, доказательство наличия притеснений и гонений в отношении Церкви в СССР. Чем больше было таких примеров, тем больше было шансов у церковного руководства доказать факты притеснений, а значит добиться по меньшей мере соблюдения законов. В некоторых случаях реакция наступала. Подобная позиция духовенства могла удержать власти от активной эскалации дальнейших гонений на Церковь.

Одним из важнейших вопросов церковной жизни оставалась судьба Пюхтицкого монастыря. Число насельниц на момент начала 1958 г. составляло 125 человек, из которых монахинь – 57, послушниц – 68. Опасность закрытия обители можно оценить по следующему факту: по заданию Совета старший инспектор Совета Л. В. Алимов в апреле 1958 г. прибыл в республику для ознакомления с деятельностью монастыря. Обсуждавшаяся идея закрытия обители (в документе это названо «вывод из республики») встретила поддержку как у уполномоченного, так и у эстонских партийных руководителей.

Совет также поставил вопрос о возможности полного запрета на проведение общеприходских панихид на кладбищах Эстонии, как для православных, так и для лютеран, но республиканским партийным руководством

было высказано общее мнение о несвоевременности такого решения. Из Эстонии докладывали в Москву, что данные традиции весьма важны для местного эстонского населения. Так, в качестве аргумента был приведен тот факт, что попытки административных запретов или перенесения дня панихид ни к чему не привели, население продолжало собираться на кладбищах в положенные дни, а попытки устранения от участия священников вызвали лишь недовольства и нарекания. Предполагаем, что эстонские руководители смогли объяснить Капитонову, что кампания по запрету общих панихид приведет к недовольству жителей, а сами эстонские партийные руководители не стремились брать на себя ответственность за столь непопулярные у местного населения меры. Собираться и молитвенно поминать усопших на кладбищах эстонцы все равно бы продолжили, поскольку запретить это законодательно было невозможно.

Вместе с тем Капитонов «настоятельно рекомендовал» епископу прекратить крестные ходы к Пюхтицкому источнику, каменный крест из Зареченской церкви для ношения вокруг церкви не выдавать, молебны около «черного камня» прекратить. Невозможность проведения крестных ходов у Пюхтицкого источника стала ударом по епархии, поскольку с источника началось становление Пюхтицкой обители, а паломничества к нему носили поистине массовый характер.

Уполномоченный Капитонов рапортовал в Совет, что епископ Иоанн (Алексеев) вдумчиво и тщательно готовился к приезду иностранных делегаций. Безусловно, духовенство в СССР осознавало, что целью подобных встреч являлось создание у иностранцев ложного впечатления о свободе религии в СССР. Однако отказ от участия в подобных мероприятиях привел бы к ужесточению гонений, остановить которые иностранные державы не были бы в состоянии. Руководство Патриархии осознавало безысходность своего положения.

Также Совет был неоднократно проинформирован о том, что «под благовидными предлогами» епископ стремился саботировать некоторые «предложения» уполномоченного. Так, епископ Иоанн получил распоряжение о

введении нового принципа руководства приходами, согласно которому финансово-экономическая деятельность передавалась от священника исполнительному органу, а духовенство переводилось на твердые оклады, оплата за требы должна была производиться строго с выдачей квитанций и т.п. Епископ, по словам уполномоченного, сделал все возможное для невыполнения распоряжения. Данное обстоятельство, по нашему мнению, могло стать одной из главных причин перевода епископа Иоанна (Алексеева) в другую епархию.

У уполномоченного и в прежние годы возникали подозрения относительно нежелания архиерея делиться информацией. Теперь же функционеру стало очевидно, что епископ сознательно тормозил реализацию антицерковных решений властей. С этим Совет мириться не мог. Следующим шагом в этом контексте должны были стать провокационные действия властей в отношении епископа, как это было с епископами Исидором (Богоявленским) и Романом (Тангом). В отчетах уполномоченного внезапно появились сведения о неких жалобах на архиерея, якобы направленных в Патриархию.

Еще одно негативное церковное событие общесоюзного масштаба, связанное с Эстонией, произошло в это же время: отречение Александра Осипова. Предательство Осипова стало для эстонского духовенства весьма болезненным ударом, поскольку он являлся популярным в Эстонии пастырем и своим поступком внес смущение в умы простых верующих, а духовенство своими заявлениями поставил в непростое положение. Все перечисленные негативные события 1959 г. создавали у верующих и клириков ощущение, что Церковь вступила в эпоху новых гонений.

Если в период с 1954 по 1957 гг. шло постоянное оживление религиозной жизни в республике, то в 1958 г. рост остановился, а в 1960 г. показатели религиозной активности стали снижаться.

14 августа 1961 года епископ Иоанн (Алексеев) был назначен архиепископом Горьковским и Арзамасским. Кафедра являлась весьма значимой, и это обстоятельство вместе с возведением в сан архиепископа означало высокую оценку Патриархом деятельности эстонского архиерея.

Партийные функционеры рассчитывали, что молодой и не успевший приобрести опыт епископ Алексей (Ридигер) (рукоположен 3 сентября 1961 г.) не сможет так же активно управлять епархией. Однако, время показало, что этот расчет себя не оправдал. Следует также отметить, что представители эстонского духовенства к этому моменту уже освоились с методами советской власти, научились жить и служить в новых условиях, понимали те границы, переступать которые опасно для вверенной им паствы, и также знали, в каких случаях закон позволяет оформить жалобу в связи с нарушениями. Летом 1961 г. прибывший из Москвы с инспекцией член Совета М. Овчинников подверг серьезной критике религиозную ситуацию в республике и работу уполномоченного, указав на недопустимо высокие показатели совершения церковных Таинств и треб, сбора средств на ремонт храмов, пожертвований на домах у верующих, колоссальное количество приходов для маленькой республики, несущественный процент закрытых в минувшие годы храмов и др. «Упорядочивания церковной сети» в Эстонии, по сути означавшее закрытие части приходов, в отличие от других республик и областей, в Эстонии должным образом не проводилось. Причина, по мнению М. Овчинникова, крылась «во вредной концепции противовеса», которой придерживались руководители эстонской республики и уполномоченный Капитонов, суть которой состояла в том, что в Эстонии православие находилось в плотном окружении лютеранства и других деноминаций, и потому православные приходы не должны были сокращаться во избежание излишнего укрепления позиций лютеранства. Проверивший резко осудил такую концепцию как сдерживающую борьбу с «религиозными пережитками». Все эти выводы привели к стремительной отставке уполномоченного Капитонова. Менялась политика властей в отношении Церкви, требовались новые сотрудники, бескомпромиссные в борьбе с религией. Сменился председатель Совета, менялись и кадры на местах. Уполномоченным Совета по Эстонии стал Кантер Ян Самойлович, эстонец, убежденный атеист, член партии с 1943 г. Это был первый уполномоченный эстонского происхождения с 1944 года. Расчет властей был понятен: вызвать доверие у

местного духовенства эстонцу было проще, тем более, что заметная часть эстонских священников по-русски не говорила.

Одним из наиболее болезненных для Церкви решений, принятых властями в начале 1960-х годов, стал новый порядок оплаты труда священнослужителей. Количество церковных служб в республике постепенно незначительно снижалось. Незначительно, но снизилась доходность приходов в 1961 г.

Архивные документы свидетельствуют, что советские организации не жалели ни сил, ни средств на внедрение светской обрядности. В небольшой Эстонии было создано около 200 местных комиссий по внедрению гражданских обрядов.

Во втором параграфе *«Первые шаги епископа Таллинского и Эстонского Алексия (Ридигера)»* анализируется непростая ситуация, в которой архиерей начал свое служение: летом 1961 г. было принято решение о закрытии Пюхтицкого монастыря и еще 36 «нерентабельных» храмов Эстонии. Единственное, о чем можно было попытаться договориться с уполномоченным Кантером – об отсрочке реализации решения. Получив такую возможность, епископ организовал прибытие в Пюхтицкий монастырь иностранных делегаций. Привлечение внимания к обители помогло её спасению. Около года, то есть до середины 1963 г., опасность закрытия монастыря еще сохранялась, однако, в итоге были сохранены и обитель, и кафедральный собор в Таллине. Несколько небольших сельских приходов были сняты с регистрации, но их число было заметно меньше, чем то, что изначально предполагали местные власти.

Статистика заключительного периода, рассмотренного нами в настоящей главе, выглядит следующим образом: на 1 января 1965 г. количество приходов в Эстонии - 90, из них 57 эстонских, 20 русских и 13 смешанных. Священников – 50, дьяконов было 6 человек. На территории епархии проживало также 42 священника-пенсионера. Таким образом, несмотря на закрытие некоторых сельских приходов (около 15 из более чем 100) и на естественное сокращение числа представителей духовенства, в период активизации антицерковной деятельности властей в эстонской епархии удалось избежать наиболее

трагических событий – разрушения кафедрального собора и закрытия Пюхтицкого монастыря.

В третьем параграфе *«Новые реалии церковной и общественной жизни Эстонии»* анализируется ситуация с антирелигиозной агитацией, которая к этому моменту достигла в стране небывалых масштабов. В Эстонии эти процессы имели менее интенсивный характер, однако, анализ публикаций в эстонской прессе показал, что с каждым днем агитация усиливалась.

К 1963 г. стали проявляться результаты активного внедрения гражданской обрядности. Процентные показатели демонстрируют стремительное снижение доли церковных обрядов от общего их числа всего за несколько лет. Перевод духовенства на твердые оклады, по словам эстонского уполномоченного, создал большие трудности для священнослужителей, снизив их доходы. Ужесточились правила крещения детей. Теперь Таинство надлежало проводить строго по просьбе обоих родителей и с предъявлением свидетельства ЗАГС о рождении ребенка.

Очевидно, что все эти меры комплексно препятствовали нормальному служению духовенства и существованию приходов. Активные международные связи эстонского духовенства постоянно отслеживались уполномоченным. В течение одного только 1962 г. в Эстонию приезжали 4 зарубежных церковных делегации. Этот аспект явился редким случаем совпадения интересов Церкви и властей, который, очевидно, позволил епископу Алексею обеспечить наименьший урон для эстонского православия в годы тяжелейших потрясений и притеснений со стороны власти.

В четвертом параграфе *«Итоги хрущевских гонений»* анализируется период конца 1950-х – начала 1960-х годов – наиболее сложного для Церкви за весь послевоенный период. Сокращение религиозной активности по большинству показателей, закрытие и уничтожение подворья Пюхтицкого монастыря в Таллине, угроза закрытия обители и т.д. — все это оказало сильное воздействие на духовенство и мирян республики.

Гонения хрущевского времени на территории Эстонии проходили в общем русле антицерковных гонений этого периода в СССР. Однако, как и прежде, отличались рядом характерных для Эстонии особенностей. Активная международная деятельность епископа Алексия не позволила властям в полной мере реализовать все свои планы на территории республики. Приходская реформа серьезно осложнила положение духовенства, но расчеты властей на массовый переход священнослужителей на «гражданскую работу» в Эстонии не оправдался.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В **Заключении** отражены основные результаты исследования, кратко отмечены важнейшие факторы, определившие ход событий в истории эстонского православия в середине XX века. Религиозная ситуация в Эстонии на момент окончания Великой Отечественной войны принципиально отличалась от ситуации в центральных и восточных республиках СССР. В первые послевоенные годы власти вынуждены были учитывать особенности религиозной жизни в республике. Совет и его уполномоченный по Эстонии не предпринимали никаких негативных шагов в отношении епархии в целом и в отношении отдельных церковнослужителей. Вместе с тем, информация о тех представителях духовенства, которые имели отношение к «эстонской схизме» или в отношении которых имелись сведения о недостаточной лояльности к советской власти, упоминались в переписке Совета и уполномоченного. 1946-1947 гг. еще можно охарактеризовать как спокойный для церковной жизни период, единственной проблемой стал кадровый вопрос, возникший в связи со скоропостижной кончиной архиепископа Павла (Дмитровского) в начале 1946 г. Уже со второй половины 1948 г. меняется вектор государственной политики в отношении церкви в СССР. Общесоюзная тенденция проявляется и в Эстонии: резко изменился стиль работы уполномоченного, результатом чего явилось противостояние последнего и правящего епископа Исидора (Богоявленского), попытки инспирировать кампанию против архиерея. В 1949 г. негативные тенденции усилились. Прошли аресты сразу нескольких представителей духовенства Эстонии, впервые был поставлен вопрос о судьбе Пюхтицкого женского монастыря. Набиравшая обороты антицерковная политика властей привела в 1950 г. к аресту некоторых представителей духовенства. Одновременно, вопреки общесоюзной тенденции на понижение религиозной активности населения, в Эстонии набирала силу противоположная – повышение посещаемости храмов, увеличение числа религиозных обрядов, укрепление экономического положения городских приходов. Все это явилось следствием прибытия в республику по указанию советских и партийных органов тысяч

русскоязычных рабочих и служащих для подъема промышленности республики. В 1950-1951 гг. антирелигиозная пропаганда нарастала, был изъят в пользу государства ряд церковных помещений, а также произошел снос часовни в Таллине. В 1955-1960 гг. одним из самых важных вопросов стала судьба Пюхтицкого монастыря. Итак, 1955-1958 гг., время активной антирелигиозной политики в СССР, для эстонской епархии были непростыми, но прошли без трагических потрясений. Однако, в 1958 г. властями был поднят вопрос о переводе Пюхтицкого монастыря в другое место, по сути – о закрытии. К 1959 г. удельный вес антицерковных инициатив власти стал высок, и это вылилось в целый ряд трагических для Церкви событий, решений, реализованных властями. В новый период епархия вошла, переживая утрату Пюхтицкого подворья, угрозу закрытия монастыря, запрет на посещение источника и других святых мест, почитаемых верующими. Были серьезно ограничены общекладбищенские панихиды, усилена антицерковная пропаганда и агитация.

Вместе с тем епископ Иоанн (Алексеев), возглавлявший эстонскую кафедру с конца 1955 по 1961 гг., несмотря на практическое отсутствие возможности без ущерба для церковной жизни противостоять действиям властей, затягивал выполнение вредных для Церкви мер. Следующий глава епархии епископ Алексей (Ридигер) понимал истинное положение дел в епархии, обладал влиянием в широких церковных кругах. Благодаря налаженным контактам с западными церковными деятелями жизнь Русской Церкви была приоткрыта для иностранцев, и безоглядно закрывать монастыри и храмы становилось для властей более сложной задачей. Советскому руководству нужно было продолжать демонстрировать действующие приходы и обители. Прибалтика стала прекрасным плацдармом для проведения показательных мероприятий. Епископ Иоанн (Алексеев) и епископ Алексей (Ридигер) вели взвешенную политику, позволившую с одной стороны, сохранить максимально возможное число приходов от закрытия, с другой стороны, не доводить отношения с властями до обострения, которое неизбежно обернулось бы репрессиями в отношении духовенства и верующих. Архиереям и простым

священникам пришлось приложить много усилий для сохранения православия в Эстонии в годы государственного атеизма, однако, несмотря на все сложности, удалось сохранить подавляющее число приходов, кафедральный собор, Пюхтицкий монастырь.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК

1. Непочатова М.И. Церковно-государственные отношения в Эстонии в 1944 – 1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 5(60). С. 18-33.
2. Непочатова М.И. К истории Пюхтицкого Успенского женского монастыря в 1944 – 1962 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 2 (69). С. 66-79.
3. Непочатова М.И. Новая монография по истории Православия в Прибалтике // Вестник ПСТГУ. Серия II Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. № 79. С. 147-149. – Рец. на кн.: Петров И.В. Православная Балтия 1939-1952 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016. 376 с.
4. Непочатова М.И. К истории церковно-государственных отношений в Эстонии в 1948 – 1953 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. № 81. С. 81-90.

Публикации в прочих изданиях

1. Непочатова М.И. Пюхтицкий Успенский женский монастырь в материалах Государственного Архива РФ (ГАРФ) // Материалы международной научно-практической конференции 11-13 декабря 2015 г. «Историко-культурное и духовное наследие: традиции и современность». Куремяэ, Эстония, 2015, С. 217-222.
2. Непочатова М.И. Эстонские преосвященные: жизненный путь и служение (1944-1960) // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2016 г. «Православная культура и практика воспитания личности: традиции и современный опыт». Куремяэ, Эстония, 2016, С. 290-295.

3. Непочатова М.И. Судьбы представителей эстонского духовенства в годы антицерковных гонений как пример духовного и нравственного подвига // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2018 г. «Духовно-нравственное воспитание человека: традиции и современность». Куремяэ, Эстония, 2018. С. 304-309.

4. Непочатова М.И. Архипастырь Эстонской земли. Жизнь и служение Патриарха Алексия II // Журнал Московской Патриархии. 2019. № 12. С. 46-55.

5. Непочатова М.И. Медиапроекты как инновационная форма дополнительного образования учащихся православных и общеобразовательных школ // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2019 г. «Православие и духовно-нравственное становление личности современника». Куремяэ, Эстония, 2019. С. 297-301.

6. Непочатова М.И. Судьбы представителей духовенства в переломную эпоху: аксиологический аспект // Материалы международной научно-практической конференции 11-12 декабря 2020 г. «Аксиологический подход к совершенствованию личности на основе взаимодополняемости православной и светской культуры». Куремяэ, Эстония, 2020. С. 239-244.